

реванш оказался временным

юбилей Шнитке начали отмечать заранее

Илья Овчинников

В ноябре исполняется 70 лет со дня рождения Альфреда Шнитке, чье творчество сегодня подвергается переоценке: среди музыкантов, друживших с композитором и исполнявших его сочинения, многие с досадой говорят о заигрываниях Шнитке с поп-артом, массовой культурой и нечистой силой. Есть и те, кто остался безоговорочно верен Альфреду Гарриевичу, — среди них виолончелистка Наталия Гутман, посвятившая Шнитке монографическую программу.

Несмотря на статус абсолютной звезды, Наталия Гутман выступает в Москве довольно часто: и в рамках аншлаговых абонементов, посвященных Олегу Кагану и Святославу Рихтеру, и в скромных камерных концертах, практически не имеющих рекламы и зачастую бесплатных. Программы второго рода, как правило, менее традиционны по репертуару — в них исполняются редко звучащие сочинения Сен-Санса, Пуленка, Мясковского, Бриттена, Шнитке. Гутман входит в тройку виолончелистов, которым Альфред Шнитке посвящал свои сочинения. В дуэте с пианистом Владимиром Сканами солистка представила практически полный свод опусов Шнитке для виолончели и фортепиано.

Программа строилась по идеальной гегелевской схеме: две противоположные по стилистике сонаты, написанные с промежутком в шестнадцать лет, плюс общеприимяющий эпилог из балета «Пер Гюнт» (хронологически расположенный как раз посередине). Первую сонату открыл задумчивый, горестный

монолог виолончели; инструмент Наталии Гутман звучал настолько богато и насыщено, что, казалось, без остатка заполнял акустическое пространство зала. В одной из пауз зазвонил мобильник, напомнив слова Шнитке: «Когда говорит радио, наверху кто-нибудь громко включает телевизор, а по соседству играют бит-музыку, «атмосфера Айвза» становится уже привычной. Моя задача — закрепить весь этот стилистический калейдоскоп».

Во второй части музыканты словно перебили сами себя, перейдя к стремительному скерцо, в который раз поразившему способностью Шнитке нагнетать атмосферу музыкальными средствами. Неостановимая, несущаяся в пропасть музыка, ассоциирующаяся то ли с любовным актом, то ли с убийством, неожиданно прервалась грубоватым вальсом фортепиано. Третья часть — усталое, опустошенное отражение первой; рояль постоянно переходил из мажора в минор и обратно, периодически сбиваясь на робкое повторение

темы скерцо. Более поздняя вторая соната не несет в себе столь явного конфликта. Одна из первых фраз виолончели — мольба, крик о помощи, однако в целом настроение сонаты куда более холодное, восходящее к «нововенцам». В исполнении Гутман даже быстрые части оказались полны таинственных звуков, отсылающих к пуантилизму Веберна. Музыка сонаты крайне суха, как и поздние симфонии Шнитке; не случайно одну из них называли «не столько музыкой, сколько ее скелетом».

Вечер завершился эпилогом из «Пер Гюнта», по просьбе Мстислава Ростроповича переложенного автором для виолончели и фортепиано. И в камерной, и в оркестровой версиях музыку сопровождает пение хора (в записи), делающее ее вдвойне завораживающей. Эпилог носит исключительно светлый и даже всепрощающий характер, будто подводя итог и странствиям Пера Гюнта, и творческим поискам композитора. Игра Наталии Гутман в сопровождении хора гипнотизировала до такой степени, что не сразу можно было заметить, как музыка стала более тревожной и прямолинейной. Впрочем, реванш темных сил оказался лишь временным — финал вернул умиротворение. Отраднo, что в мертвый сезон подобная программа собрала переполненный зал; осенью на фестивале, посвященном 70-летию Шнитке, Гутман исполнит посвященный ей концерт для виолончели.

Минусе Шнитке
170 лет - юбиляр
совсем современно

28.06.04